

ЭСХАТОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО *ИДИОТ* (ИППОЛИТ)

Ференц Богнар

(Bognár Ferenc, Szeged Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H–6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Смертельно больной Ипполит, сопровождающий компанию Бурдовского по приглашению князя, переезжает в сень павловских деревьев, чтобы в соответствии с намерением Мышкина красота природы смягчила его последние недели и горечь расставания с жизнью. Однако, на самом деле он прибывает на снятую князем дачу, чтобы проверить практикой выношенные им в его «углу» уродливые взгляды, чтобы, проверив «жизнью», подтвердить индивидуальную обоснованность гуманности, безграничные возможности собственного «я», признающего исключительную роль индивидуума.¹

Интерес общества, собравшегося под павловскими деревьями, привлекает «тайна» запечатанного красной печатью конверта, который продемонстрировал и предложил прочитать Ипполит, этим обществом движет примитивное желание удовлетворить простое любопытство. Наряду с такой формой отношения общества, писатель в этой истории, ядром которой является «необходимое объяснение» Ипполита,² через осечку пистолета Ипполита на первый план выдвигает гротеск абсолютизации индивидуализма, разоблачая таким образом пустоту его «таинственного» тумана и доведенной порой до мистицизма ауры.

Само собой разумеется, что принимающий исключительность индивидуального сознания и мыслящий в этом ключе Ипполит делает все, чтобы напустить такого «благотворного» тумана. Интерес присутствующих возбуждает не только вид запечатанного конверта, содержащего плод шестимесячных раздумий. Молодой человек усиливает «таинственность» тем, что, бросая жребий, предоставляет судьбе решать, будут ли его мысли, его тайна раскрыты. Смысл выбора судьбы, сходного с выбором Настасьи Филипповны, который в конечном итоге основывается на суеверии, раскрывается в конце истории. Ведь речь идет о том, что Ипполит далеко не случайно переносит необходимость доказательств и подтверждения для самого себя обосновывающей человеческое существование индивидуума исключительности на проступаю-

¹ Кирпотин указывает на то, что полемика писателя с Белинским, критика его взглядов проявляется не только со стороны князя Мышкина, но стоит за бунтом Ипполита (Кирпотин 1976, 142).

² Достоевский 1973, т. 8. 321–345.

шую из греческой мифологии судьбу, с одной стороны, таким образом маскируя перед самим собой смехотворность своего намерения, а с другой, – скрывая перед индивидуальным сознанием бессмысленную, ничего на самом деле не доказывающую сущность самоубийства, бессмысленность отождествления человека и индивидуума. Собственно говоря, и сам Ипполит чувствует сомнительность индивидуалистической обоснованности гуманности, когда обставляет свое чтение такой важностью, однако он не может принять этот жизненный опыт из-за сужения сознания и пронизывающей весь мир тотальной пошлости. Однако об этом же говорит и предупреждение: *Не так этот предмет надо обделявать, парень, не так...*³ которое прямо бросает ему не признающий ничего, кроме своих инстинктов, Рогожин, как бы предупреждая, чтобы Ипполит бросил «ломать комедию» и решил: растает ли он с жизнью, или нет. Ипполит потому задрожал от этих слов, они потому произвели на него столь страшное впечатление, что ему отвратительна мысль о том, что предположение об обоснованности гуманности индивидуумом по сути не отличается от имеющей инстинктивное обоснование рогожинской формы бытия. Поэтому Ипполита мучает осознание того, что это Рогожин посетил его ночью, и на самом деле пустота и отвратительность этого предположения выражается также в его кошмарном сне.⁴ «Необходимое объяснение» Ипполита рассматривает необъяснимую для индивидуалистического сознания проблему смерти. Однако, при этом неизбежно в центр внимания попадает и проблема жизни.

Князь, как и ранее, отвлекает внимание от невыносимой для индивидуального сознания смерти просто не говоря о ней, ставя на ее место жизнь. Ипполит так пишет об этом:

*Вчера утром был у меня князь; между прочим он уговорил меня переехать на свою дачу. Я так и знал, что он непременно будет на этом настаивать, и уверен был, что он так прямо и брякнет мне, что мне на даче будет «легче умирать между людьми и деревьями», как он выражается. Но сегодня он не сказал умереть, а сказал «будет легче прожить».*⁵

Сосредоточенность князя Мышкина на значении жизни, обеспечивающей поле существования человека, происходит из его стремления каким-то образом снять закрытость в себе, действительно абсурдную отгороженность от жизни индивидуума, представляющего в его мире гуманность. Однако, если оставаться и далее на индивидуалистской позиции, вовлечение в кругозор индивидуума жизни может остаться только намерением, или в слу-

³ Достоевский 1973, т. 8. 391.

⁴ Долинин отмечает, что мучения Ипполита, его ужас перед неумолимыми законами природы есть ни что иное, как отправная точка Кириллова (Долинин 1989, 83).

⁵ Достоевский 1973, т. 8. 392.

чае его осуществления непременно приводит к материализму, что хорошо замечает Ипполит:

Когда я заметил ему, что ведь все равно умирать, что под деревьями, что смотря в окно на мои кирпичи, и что для двух недель нечего так церемониться, то он тотчас же согласился; но зелень и чистый воздух, по его мнению, непременно производят во мне какую-нибудь физическую перемену, и мое волнение и мои сны переменяются и, может быть, облеγχатся. Я опять заметил ему смеясь, что он говорит как материалист. Он ответил мне с своею улыбкой, что он и всегда был материалист.⁶

Приведенный отрывок на самом деле говорит не о материализме князя Мышкина, а об отрицающем дух походе самого Ипполита. Материалист не князь, а Ипполит. Стена Мейерова дома – это не только одна из форм проявления материальной стороны жизни, она также символизирует человеческую жизнь, лишенную смысла.

В противоположность этому павловский парк своим совершенством формы и красотой символизирует сотворенный Богом и созданный с помощью человека, наполненный смыслом мир, сферу обитания гражданина, уважающего культуру. Смушение, неуверенность, кажущееся впадение в материализм Мышкина отчасти происходит от недопонимания со стороны Ипполита, из того, что своими доводами князь безрезультатно пытается пробить его закрытость, а с другой стороны, князь Мышкин сталкивается с тем, что творение Богом мира механически не несет в себе наличие в нем (в мире) смысла, для обретения смысла жизни необходимо творческое участие в творении человека. Другими словами князь чувствует, что благотворной силы павловских деревьев, которые сами по себе дают минимальную возможность понимания, может оказаться недостаточно, поскольку в спасении должен принять участие и сам Ипполит, что, конечно, было бы желательно, но не очень вероятно. В то время, как у Руссо само собой разумеется, что первозданная природа, сотворенный Богом мир, духовная обоснованность человеческого существования, уважения гражданина к культуре являются твердой основой, на которой можно строить человеческую жизнь, русская культура, имеющая плохой отнишний опыт, не может оставить без внимания следующий факт: хотя с точки зрения истины несомненно следует сохранить уважение к культуре, и поэтому у Достоевского присутствует созданный руками человека, но соответствующий божественному порядку «пейзаж», однако, взятое само по себе, безличное «культуропочитание» не может стать основой жизни.

Ипполит, опять же занимающий индивидуалистскую позицию, утверждает бессмысленность жизненного соединения индивидуальности с телом, когда в виду своей смертельной болезни считает несущественным улучшение качества жизни, считает бессмысленной дарованную ему красоту

---

⁶ Достоевский 1973, т. 8. 393.

павловских деревьев. Поэтому ему «все равно» жизнь или смерть, ведь индивидуалистическое сознание, отрицающее жизнь и считающее смерть необъяснимой по своей сути, склонно нивелировать эти две реальности. Если посмотреть с индивидуалистических позиций, жизнь, это ничто иное, как полная реализация решений индивидуума, она – слуга и раба индивидуума, а смерть с тех же позиций, – это залог истины, которой по мнению субъекта он может овладеть, так как осознающий смерть индивидуум никоим образом уже не заинтересован скрывать самодостаточную и закрытую в себе «истину». *Впрочем, – говорит Ипполит, – я напрасно написал слова: «правда последняя и торжественная»; для двух недель и без того лгать не стоит, потому что жить две недели не стоит; это самое лучшее доказательство, что я напишу одну правду.*⁷

Однако, индивидуалистическому сознанию недостаточно доказательства, основанного на доброте, на добросовестности индивидуума, которое естественным образом приписывает индивидууму мораль и считается залогом истины. «Истина», искренность и достоверность признаний должны быть доказаны «объективными», рациональными аргументами. Поэтому Ипполит хочет проверить, не сошел ли он с ума, ведь с точки зрения науки (объективной) его болезнь допускает такую возможность. Чувствуя замкнутость индивидуалистического сознания, он, противореча самому себе, ждет «объективного» подтверждения от слушателей, которых он рассматривает как такие же индивидуалистские сознания: *не сумасшедший ли я в эту минуту, то-есть минутами? Мне сказали утвердительно, что чахоточные в последней степени иногда сходят с ума на время. Проверить это завтра за чтением, по впечатлению на слушателей.*⁸ Ипполит не заметит, что причина его неуверенности, постоянного стремления оправдать себя заключается в том, что он сделал для себя критерием истины собственную индивидуальность, «чистоту души», мерой истины для него является субъективная искренность, что неприемлемо в нашей культуре. Выделяющийся таким образом из культурной среды, лишаящий сам себя возможности осознать собственную личность и принять жизнь, и из-за этого остающийся всегда в самом себе индивидуум вечно бессмысленно бьется в своих проблемах, не в силах разрешить противоречие между существованием индивидуума и его укорененностью в природе, которое всегда переживается им как жестокое наказание судьбы, рок или тайна.

Ипполит оставляет открытым неразрешимый для разума конфликт индивидуальности и природы, и просто принимает как факт неприемлемую для здравого рассудка все усиливающуюся жажду жизни:

⁷ Достоевский 1973, т. 8. 393.

⁸ Достоевский 1973, т. 8. 393.

Идея о том (продолжал он читать), что не стоит жить несколько недель, стала одолевать меня настоящим образом, я думаю, с месяц назад, когда мне оставалось жить еще четыре недели, но совершенно овладела мной только три дня назад, когда я возвратился с того вечера в Павловске. [...] Удивляюсь теперь, каким образом я мог жить целые шесть месяцев без этого «убеждения»! Я положительно знал, что у меня чахотка и неизлечимая; я не обманывал себя и понимал дело ясно. Но чем яснее я его понимал, тем судорожнее мне хотелось жить; я цеплялся за жизнь и хотел жить во что бы то ни стало.⁹

Для того, чтобы сохранить индивидуалистскую позицию, и в то же время признать жизнь Ипполит, в отличие от князя, стремится волонтаристским способом соединить исключаящее друг друга противоречие индивидуума и природы, жертвуя при этом жизнью. Он все рассматривает с точки зрения индивидуалистического сознания, приспособлявая к его требованиям и укорененную в имманентном жизнь. Поэтому молодому человеку, абсолютизирующему индивидуума, непонятно, почему люди не могут стать богатыми, имея столько жизни впереди, почему не могут стать хозяевами своей судьбы, ведь *Коли он живет, стало быть, все в его власти!*¹⁰ Ипполит не может представить, что индивидуума, существующего в своем совершенстве, что-либо может вывести из равновесия. Именно из-за поспраивания этого совершенства, в защиту индивидуума наступает Ипполит на жизнь, он даже готов казнить бедняка, который умер от голода, он также из-за оскорбленного чувства индивидуальности не может вынести этого вечно озабоченного, снующего туда-сюда угрюмого народа, который он видит на улице, и который своей бесформенностью разрушает красоту индивидуума. *Зачем же он сам не Ротшильд? Кто виноват, что у него нет миллионов, как у Ротшильда, что у него нет горы золотых импералов и наполеондоров, такой горы, такой точно высокой горы, как на Масленице под балаганами!*¹¹ – возмущенно вопрошает Ипполит от имени индивидуума, который не может себя раскрыть в этих людях. Естественно, что больной подросток, исповедующий совершенство индивидуума, индивидуализм и имманентное равенство каждого человека, ищет объяснение тому, что всеобщего раскрытия индивидуума, его чудесного проявления не происходит. То он винит в этом человеческую слабость, то ссылается на собственную болезнь, и, используя этот предлог, неосознанно и, сам того не желая, подчиняет индивидуум проявлениям природы как судьбы. Он пытается разрешить противоречие нивелирования реальности жизни и сохранить главенство по отношению к ней индивидуума, субъективизируя жизнь, ставя на первое место жизнь продуманную: *Ну, кто же не сочтет меня за сморчка, не знающего жизни, забыв,*

⁹ Достоевский 1973, т. 8. 398.

¹⁰ Достоевский 1973, т. 8. 399.

¹¹ Достоевский 1973, т. 8. 399.

*что мне уже не восемнадцать лет; забыв, что так жить, как я жил в эти шесть месяцев, значит уже дожить до седых волос!*¹² Только таким образом удастся сохранить первенство индивидуума по отношению к природе, только так Ипполит может преодолеть неприемлемые для индивидуума ограничения срока жизни, но при этом он должен заплатить за это опытом окончательной предоставленности индивидуума самому себе, он должен окончательно отказаться от встречи с другим, от попытки понять сознание другого, от духовного познания жизни, которое происходит при встрече с другим и познании через это самого себя. *И кому я рассказываю?*, – констатирует факт Ипполит.

Ипполит прав, когда говорит, что важна только жизнь, однако он понимает жизнь не как поле для раскрытия личности, не как историю воплощения личности, не как возможность, как процесс спасения индивидуального бытия, а как пространство, которое должно быть покорено индивидуальным сознанием. Поэтому для него становится таким важным сам процесс исследования, познания. В соответствии с этим он может понимать счастье только в отрицании жизни:

*В чем счастье? – вопрошает Ипполит, – О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее; будьте уверены, что самый высокий момент его счастья был, может быть, ровно за три дня до открытия Нового Света, когда бунтующий экипаж в отчаянии чуть не поворотил корабля в Европу, назад!*¹³

Таким образом, индивидуалистическое сознание ищет счастье не в познании действительности, ведь это может разбить и сделать смешным его замкнутость. В интересах сохранения своей неповрежденности и единственной реальности оно принимает действительность только сконструированного им самим мира и только в нем способно найти счастье. Ипполит живет ради фикции субъективного сознания и эту сконструированную им веру, которую он считает гарантией существования индивидуума, охраняет от жизни тем, что избегает действительности, и жизнь на самом деле его не интересует. Колумб не был так глуп, чтобы поддаться бунтующему экипажу для того, чтобы сохранить свое «счастье». Ипполит в своих фантазиях не учитывает простого факта: капитан справился с мятежом и продолжил путь, потому что был убежден в своей правоте, в правоте Коперника и Галлилея, и это убеждение покоилось не на фикции, а на практической реальности, на приемлемой для разума очевидности, и он не боялся, что ее законы будут опровергнуты жизнью. Колумбу скорее доставляло радость то, что расцвели и

¹² Достоевский 1973, т. 8. 400.

¹³ Достоевский 1973, т. 8. 400.

открыли новые жизненные перспективы идеи, на которых основывалось его предприятие.

Характерное для Достоевского изображение саморефлектирующего и замкнутого в самом себе индивидуального сознания, образ угла, интимно-спиритуальные человеческие отношения, отрицание жизненных деталей, пластично выявляют искаженность такого сознания. Ипполит так описывает обстоятельства своей болезни:

Когда я, месяцев восемь назад, стал уж очень болен, то прекратил все мои сношения и оставил всех бывших моих товарищей. Так как я и всегда был человек довольно угрюмый, то товарищи легко забыли меня; конечно, они забыли бы меня и без этого обстоятельства. Обстановка моя дома, то есть „в семействе“, была тоже уединенная. Месяцев пять назад, я раз навсегда заперся изнутри и отделил себя от комнат семьи совершенно. Меня постоянно слушались, и никто не смел войти ко мне, кроме как в определенный час убраться в комнату и принести мне обедать. Мать трепетала пред моими приказаниями и даже не смела предо мною нюнуть, когда я решился иногда впускать ее к себе. Детей она постоянно за меня колотила, чтобы не шумели и меня не беспокоили; я таки часто на их крик жаловался; то-то, должно быть, они меня теперь любят!¹⁴

Конечно, только такому, истерически отрицающему жизнь сознанию, неспособному к восприятию осуществляемого в истине единства людей, кажется, что *люди и созданы, чтобы друг друга мучить*.¹⁵ В этом заявлении очевидно отрицается смысл творения, очевидность того, что человек находится в мире для того, чтобы укрепить и расширить творение, поддерживать в мире жизнь, а не затем, чтобы отрицая жизнь сделать это невозможным и засыпать ее пеплом. Все это делается Ипполитом для того, чтобы двусмысленным образом с помощью морали, не чуждой природе индивидуума, показать возможность отождествления человека и индивидуума, а также дать почувствовать неосуществимость этой программы из-за существования морали. Таким образом, в приведенном утверждении речь идет о том, что не знающий собственных границ, и в то же время желающий сохранить характерные для гражданина моральные нормы индивидуум, сталкиваясь с существованием другого индивидуума, переживая ущемление своих возможностей в самоограничении, которое он считает для самого себя обязательным, чувствует боль этого ограничения. Конечно, прежде чем двусмысленность его положения выяснится в жизни, индивидуум, для того, чтобы сохранить свою индивидуалистскую позицию и избежать разоблачения, исключая себя из жизни, отрицает ее действительность.

Узость взгляда Ипполита, его способность учитывать только искаженную точку зрения индивидуализма, хорошо иллюстрирует история, слу-

¹⁴ Достоевский 1973, т. 8. 401–402.

¹⁵ Достоевский 1973, т. 8. 402.

чившаяся с их жильцом Суриковым. Неспособный понять порядок существования и то разнообразие, в котором жизнь предстает перед людьми, Ипполит постоянно доказывает Сурикову, что тот сам виноват в своей бедности и является единственной причиной своего нищенского существования. А когда у Сурикова «заморозили» ребенка и Ипполит усмехнулся над трупом младенца, объясняя, что тот сам виноват, Суриков его выпроводил. Однако, в этом «ступайте-с!» молодой человек не видит находящееся за пределами индивидуализма человеческое достоинство, не видит проявляющегося на опыте богатство человека, эту жизнь принимающего в сравнении с человеком, отрицающим жизнь. Существовая в цепи причинно-следственных зависимостей, определяя человеческие отношения лишь в рамках подчинения вышестоящих нижестоящим, чувствуя превосходство человека, еще более обездоленного чем он, Ипполит попадает под воздействие презираемого им сострадания. Но индивидуалистическое сознание не может долго мириться с этим восстанием против самого себя. Горечь морального поражения оно смягчает, указывая на слабость Сурикова, ведь проявленное им достоинство в его положении кажется смешным, учитывая его материальное положение, Ипполит – сын квартирной хозяйки, таким образом отношения выравниваются и склоняются в пользу Ипполита, который снова оказывается выше по отношению к Сурикову.

Ипполит постоянно сталкивается с жизнью. Несмотря на свою молодость и болезнь, у него есть возможность принять ее вызов, однако замкнувшись в субъекте, он отвергает эти возможности, так как осуществление личности угрожает нарушить существо индивидуума.

Однажды, оставив свой угол, он замечает, что кто-то выронил бумажник. Ипполит бросился за потерявшим бумажник человеком, но смог нагнать его, чтобы отдать бумажник в тесной съемной комнатенке. Выяснилось, что один врач, потерявший свое место и средства к существованию из-за интриг, на последние деньги приехал в столицу искать места. Типичная история, которую Ипполит узнает раньше, чем врач начал свой рассказ. Он знает, что молодому человеку дают обещания, но потом выясняется, что место предоставить невозможно. Возникает впечатление, что, соприкоснувшись с жизнью, Ипполит, забыв о своем угле, не упрекает несчастного молодого человека за унижение индивидуума, как недавно Сурикова, а пытается помочь попавшей в безнадежное положение семье. Он отправляется к своему бывшему товарищу по школе Бахмутову, чей дядя влиятельный человек и обожает племянника. Ипполит правильно рассчитал и дело семьи врача решилось самым положительным образом.

До сих пор Ипполит, рассматривая проблему индивидуума и его статуса, сосредотачивался на индивидуальности другого человека. Теперь можно говорить о повороте, потому что он не обходит вниманием и сам субъект.

Однако, как мы увидим далее, сделав этот шаг, он переходит от возможности отождествления человека и индивидуума к мысли об отождествлении человека и субъекта. Результат настолько поражает его самого, что он великодушно отказывается от первенства в помощи несчастным, от подчеркивания своего индивидуализма, он старается остаться в тени, избежать благодарности. (Но заметим, что все это он делает со свойственной ему двусмысленностью, ведь Ипполит должен признать, что жизнь ставит предел индивидуализму.) Итак, теперь, когда из пустой гордыни и безмерной замкнутости Ипполит необоснованно считает тождественность человека и индивидуума фактом, в своей нераскаянности он делает попытку познать обоснованность порядка бытия через субъект. Все это он пытается показать на жизненном примере единичного доброго дела, через помощь семье врача.

В любой культуре, в основе которой лежит христианство, считается нормой помогать падшим, бедным и одиноким. С одной стороны, это означает, что людей, неспособных включиться в жизнь общества, следует поддерживать под знаком личности, что пронизывающие все общество так называемые социальные проблемы также должны решаться в личностном плане. С другой стороны, эта норма указывает на недопустимость разрушения единства общества социальными проблемами. Речь идет не об основанном на гражданском сознании равенстве или уравнивании общества, а о решении поставленных самой жизнью ситуаций, о приложении усилий под знаком личности, которые всегда ведут к обогащению жизни.

Бахмутов и Ипполит сходятся во мнении о том, что наряду с «общественной милостынею» должна иметь свое место и свою роль единичная милостыня, нельзя осуждать единичные добрые дела. Но бывшие одноклассники видят проблему с разных сторон.

Бахмутов подчеркивает, что очень доволен благополучным окончанием дела, ведь как компенсацию за свои страдания, медик не только получил новое место, но и прогонные и деньги взаймы от Бахмутова. Бахмутов очень искренне благодарит Ипполита за то, что тот дал ему возможность совершить доброе дело, что он смог активно участвовать в помощи другому человеку:

*Бахмутов говорил о своем восторге, что дело это так хорошо кончилось, благодарил меня за что-то, объяснял как приятно ему теперь после доброго дела, уверял, что вся заслуга принадлежит мне, и что напрасно многие теперь учат и проповедуют, что единичное доброе дело ничего не значит.*¹⁶

Ясно, что ни рассказчик, ни сам писатель не занимается проблемой выливающегося в прагматизм либерализма, который программно отрицает гуманность и личность, игнорирует человека и признает только цифры и фак-

---

¹⁶ Достоевский 1973, т. 8. 410.

ты, хотя наличие этой проблемы и признается. Однако, изображаемый мир настолько пронизан бездуховностью, что любое явление, в том числе и традиционная картина мира Бахмутова, существует только как тень, и в тени этой бездуховности оно и должно быть по отношению к ней гротескным образом обосновано.

По сути дела Бахмутов удовлетворен тем, что его поступок, готовность помочь соответствует требованиям мира, еще обладающего сознанием ценностей, он, так сказать, выполнил обязанности добропорядочного гражданина. Ведь помощь бедным и павшим, то есть вытеснение меркантильного подхода на задний план, со времени возникновения христианства является всеобщей заповедью. Но в реальности потерявший духовную ориентацию, но все еще сохраняющий сознание ценностей мир ничего не знает о личностности этой нормы, а Бахмутов ощущает не вдохновляющую силу заповеди, а погружая ее и самого себя в имманентность, он чувствует лишь радость обывателя: его деятельность направляется не живой реальностью совместного бытия, а надеждой на гарантированное спасение индивидуальной души через выполнение требований морального мира. Узость его духа и ложь по отношению к самому себе проявляется как раз в его великодушии, в готовности уступить всю «славу» Ипполиту. Таким образом Бахмутов отказывается от благотворительности, как программы, а спасение, обманывая самого себя, видит не в раскрытии самой личности (здесь индивидуальности), а в случайности, вместо раскрытия личностного, вместо активного участия в процессе творения, отрицая человеческую свободу и сопутствующую ей ответственность – индивидуальность, он сам себя заковывает в кандалы безличной морали.

Ипполит закрывает глаза на несовместимость морали и индивидуализма в бездуховной жизни и решает это противоречие тем, что приписывает готовность помочь, благотворительность, в конце концов саму мораль природе индивидуума:

Единичное доброе дело останется всегда, потому что оно есть потребность личности, живая потребность прямого влияния одной личности на другую.¹⁷

Это значит, что отвергая укорененность человека в традиции, производя мораль, рефлексию справедливости из индивидуума, он ставит индивидуум на высшую ступень бытия, освобождая его от последних ограничений и обеспечивая ему абсолютную свободу. Однако индивидуумом не воспринимается тот факт, что такая свобода вследствие уничтожения, субъективизации морали может существовать на самом деле как тирания лишь в субъективном сознании, лишь вне жизни. Само произведение изображает бессмысленность такой картины мира через фигуру князя Мышкина, а гротескность и

¹⁷ Достоевский 1973, т. 8. 410.

ошибочность стремлений Ипполита проявляется в том, что он отождествляет с преступниками, которых посещает на Воробьевых Горах «генерал», всю Россию:

Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Если замечал какую-нибудь ссыльную женицину с ребенком на руках, он подходил, ласкал ребенка, пощелкивал ему пальцами, чтобы тот засмеялся. Так поступал он множество лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, то есть все преступники.¹⁸

Несомненно, что Ипполит неспособен избежать влияния императива нашей культуры и его сознание элементарным образом занято проблемой единства. Однако, считая эту проблему разрешимой не через опыт познания стоящей над миром истины, а с помощью индивидуальных усилий, имманентным образом через науку, он сталкивается с неразрешимыми противоречиями. Ради индивидуальной свободы, как мы указали выше, Ипполит готов субъективизировать мораль, а теперь ради создания «супериндивидуума» он протаскивает ее обратно, жертвуя ей частью индивидуальности. И хотя он не высказывает этого прямо, но считает ее воздействие на других практически обязательным. Из-за непредсказуемости результатов этих воздействий индивидуум неизбежно мистифицируется, его ответственность превращается в безответственность или убивает поступок и саму жизнь. Этот абсурд показывает нам писатель, изображая бездушный мир. Ипполит таким образом говорит Бахмутову о чудесном явлении «супериндивидуума»:

Бросая ваше семя, бросая вашу «милостыню», ваше доброе дело в какой бы то ни было форме, вы отдаете часть вашей личности и принимаете в себя часть другой; вы взаимно приобщаетесь один к другому; еще несколько внимания, и вы вознаграждаетесь уже знанием, самыми неожиданными открытиями. Вы непременно станете смотреть наконец на ваше дело как на науку? она захватит в себя всю вашу жизнь и может наполнить всю жизнь. С другой стороны, все ваши мысли, все брошенные вами семена, может быть, уже забытые вами, воплотятся и вырастут; получивший от вас передаст другому. И почему вы знаете, какое участие вы будете иметь в будущем разрешении судеб человечества? Если же знание и целая жизнь этой работы вознесут вас наконец до того, что вы в состоянии будете бросить громадное семя, оставить миру в наследство громадную мысль, то... – И так далее, я много тогда говорил.¹⁹

Безответственность и отрицание морального поступка Ипполит в конце концов связывает не с природой индивидуалистского взгляда, а с собственной болезнью, скрывая таким образом ограниченность и узость своего подхода:

¹⁸ Достоевский 1973, т. 8. 410.

¹⁹ Достоевский 1973, т. 8. 411.

Вот мне остается теперь месяца два-три жить, может, четыре; но, например, когда будет оставаться всего только два месяца, и если б я страшно захотел сделать одно доброе дело, которое бы потребовало работы, беготни и хлопот, вот в роде дела нашего доктора, то в таком случае я ведь должен бы был отказаться от этого дела за недостатком остающегося мне времени и приискывать другое «доброе дело», помельче, и которое в моих средствах (если уж так будет разбирать меня на добрые дела).²⁰

На самом деле речь идет о том, что индивидуум, пытающийся обосновать гуманность имманентным образом, неизбежно должен снова замкнуться в своем углу. Ведь какие бы красивые слова ни говорил Ипполит об индивидуальном единении, из-за краткосрочности жизни и налагаемых природой ограничений он сам вынужден оставить попытки сблизиться с другими. Ему недоступен духовный опыт, так как отрицающий истину и традицию индивидуум из-за своего существования вне культуры и духовной реальности обречен на полное одиночество. Хотя Ипполит старается создать видимость того, что его одиночество является результатом его индивидуальной воли, на самом деле, однако, его корни кроются в отрицании и отстранении от духовной реальности:

Прощаясь со мной, он горячо сжал мне руку и просил позволения навещать меня. Я отвечал ему, что если он будет приходить ко мне как «утешитель» (потому что, если бы даже он и молчал, то все-таки приходил бы как утешитель, я это объяснил ему), то ведь этим он мне будет, стало быть, каждый раз напоминать еще больше о смерти. Он пожал плечами, но со мной согласился; мы расстались довольно учтиво, чего я даже не ожидал.²¹

Мы должны также обязательно сказать о понимании Ипполитом Христа, о том, как видятся последние вопросы гуманизма отрицающему дух обывательскому сознанию.

Хотя выпшесказанное говорит о том, что Ипполит видит смысл человеческого существования в имманентном осуществлении полноты индивидуума, в зарождении идеального индивидуума в результате моральных усилий других индивидуумов (таким образом искаженное самопожертвование индивидуумов превращает восприятие Ипполитом мира в гротеск), в то же время, отрицая тупиковость индивидуалистского подхода, он также показывает, насколько вероятность осуществления индивидуума ничтожна, насколько зависит от случайности. Для обоснования индивидуалистского подхода достаточно было бы одного примера, ведь это означало бы, как это показывает в другом отношении подражание святым в средневековом культе святости, что каждый человек имеет возможность реализовать свою индивидуальность. Увиденная Ипполитом в доме Рогожина картина с изображением мертвого Христа дает ему повод говорить о гуманистическом основании

²⁰ Достоевский 1973, т. 8. 412.

²¹ Достоевский 1973, т. 8. 412.

принципа индивидуального. Двусмысленность рассуждений Ипполита проявляется в том, что он видит в Христе самое полное осуществление, полный расцвет индивидуума как доказательство своих индивидуалистских взглядов, и в то же время он говорит о мертвом Христе, о победе природы над индивидуумом. На самом деле речь идет о том, что у отвращающегося от традиции, отвергающего жизнь Ипполита нет аргументов ни за, ни против индивидуума, которого он считает альфой и омегой человечности, он не замечает, что отрицание культуры, духовной укорененности человеческого существования приводит его к ложной постановке бессмысленных, нерешаемых вопросов, не давая ему опыта обогащения жизни, вновь загоняя его в безрадостный угол.

Очевидно, что Ипполит отрицает традицию, когда, например, видит мертвого Христа, учитывает только его божественную природу, хотя знает, что: *христианская церковь установила еще в первые века, что Христос страдал не образно, а действительно.*²² А его потрясенность тем, что природа победила Бога, указывает на узость индивидуального сознания, которое неспособно воспринимать дух и видит истину лишь как имманентность. Эта ограниченность приводит к тому, что Ипполит не просто отрицает традицию, но и искажает, переписывает ее из своего угла. Ведь когда он утверждает, что природа *поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо – такое существо, которое одно стоило всей природы и всех законов ее, всей земли, которая и создавалась-то, может быть, единственно для одного только появления этого существа!*, открывается не только тираническое намерение индивидуалистского сознания господства над жизнью, при котором оно изменило бы естественный ход рождения-жизни-смерти, но и то, что Ипполит хотел бы присвоить себе и являющуюся основой, и в то же время производной из него трансцендентную духовную реальность. Кроме Ипполита и обладающих столь же суженным индивидуалистским сознанием людей никто не утверждает, что мир, люди существуют ради Христа, что мир сотворен для того, чтобы в нем появился Христос. Как раз наоборот: Христос пришел в мир ради людей для того, чтобы освободить их от рабства греху, даже ценой самопожертвования, ценой своей жизни за жизнь людей, чтобы сделать возможным открытие истины, ибо для человека имеет смысл лишь жизнь в истине.

Таким образом, нас уже не должна удивлять гротескная ситуация, когда Ипполит, подросток, который, похоже, стремится весь мировой порядок подогнать под свой узкий угол, беспокоится о вере апостолов и праведников:

---

²² Достоевский 1973, т. 8. 415.

Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине (как характерно для Ипполита, что он говорит о том, чего нет, чтобы сохранить неуязвимость. – Ф. Б.), должны были ощутить страшную тоску и смятение в тот вечер, раздробивший разом все их надежды и почти что верования. Они должны были разойтись в ужаснейшем страхе, хотя и уносили каждый в себе громадную мысль, которая уже никогда не могла быть из них исторгнута. И если б этот самый учитель мог увидеть свой образ накануне казни, то так ли бы сам он взошел на крест, и так ли бы умер как теперь?²³

Не знающий духа Ипполит рассматривает веру не как реальность опыта существования, не как приоритет жизни в истине. Из-за слепоты обывательского взгляда, который способен считаться только с физическими, биологическими, социологическими, экономическими факторами человеческого существования и нечувствителен к раскрывающемуся в жизни трансцендентальному, он, противореча самому себе видит в вере лишь отвагу сознания. Таким образом, он видит в воскресении не вечное существование, богатство цветущей в духе и истине жизни, а индивидуальное преодоление природной необходимости, в конечном итоге имманентное прекращение бренности.

Ученики действительно затворились после смерти Христа, но они боялись не потому, что потеряли веру, а потому, что им нужно было время, чтобы в них укрепилась опытная реальность духовного переживания укорененности человеческого бытия в истине. Этот процесс не поддается количественному измерению, ведь речь идет об осуществлении их жизни, их «дела», которое в их случае окончательно исполнилось принятием мученической смерти.

Вопрос достойной сожаления ущербной души о том, принял ли бы Христос снова крестную муку, опять же происходит от узости взгляда индивидуалистического сознания. Христос лично принес искупительную жертву в знак осуществления истины, а не в перспективе чувствующих лишь артистические формы спекуляций индивидуалистического сознания, он исполнил волю Отца, а не выполнил какую-то чуждую ему обязанность.

Чувствуя провал индивидуализма, ощущая, но не признавая невозможность отождествления человека и индивидуума, думая о последней возможности индивидуализма, Ипполит приходит к абсурдному выводу о том, что он должен обмануть природу и для сохранения привилегированного положения индивидуума уничтожить сам себя, воспользовавшись таким образом последней имеющийся в распоряжении индивидуума возможностью: отнять жизнь, а учитывая в первую очередь моральную точку зрения, отнять собственную жизнь у самого себя. Как ни жалка эта возможность по сравнению с упомянутой ранее (заметим, ни разу содержательно не развитой, не воплощенной в жизни, то есть существующей лишь в субъективном созна-

²³ Достоевский 1973, т. 8. 416.

нии) «громадной мыслью», в искаженном сознании Ипполита она гротескным образом служит доказательством права на существование индивидуума, обоснования им человечности. Поэтому успешное претворение этой возможности в жизнь, осуществление самоубийства Ипполита с точки зрения индивидуума означает жертву, которая неизбежно необходима для совершения акта его искупления. В своем невысказанном, но явном бунте Ипполит хочет подменить искупительный акт Христа. Выше мы уже указывали на то, что оставляя открытым вопрос о действительности крестной жертвы Христа, он ставит под сомнение ее результат, ее реальность, поэтому в своих рассуждениях считает, что как раз сейчас настало время этой жертвы. Само собой разумеется, что гуманист Достоевский ясно видел различие: Христос жертвует собой за человечество, за жизнь и ее раскрытие, а Ипполит за индивидуума. Жертва Христа универсальна, в то время как жертва за индивидуум из-за замкнутости индивидуума в себе может говорить только за себя, то есть для «доказательства» роли индивидуума в обосновании человечности каждый индивидуум должен совершить самоубийство. В конце концов Ипполит полностью запутавшись в своих экспериментах, чувствуя что заходит в тупик, наконец, придя к позиции «все дозволено», принимает мериллом своих поступков собственную субъективность, делая архимедовой точкой опоры мироздания собственную душу. Его намерение покончить жизнь самоубийством укрепляет изливающееся из его души отвращение, чувство незначительности его собственной личности по отношению к природе:

Окончательному решению способствовала, стало быть, не логика, не логическое убеждение, а отвращение. Нельзя оставаться в жизни, которая принимает такие странные, обжигающие меня формы. Это привидение меня унизило. Я не в силах подчиняться темной силе, принимающей вид тарантула.²⁴

Этот жалкий абсурд, все ярче проявляющееся в бездуховном мире пренебрежение к жизни, ее отрицание, подмену истины индивидуальной душой, низкой или возвышенной, изображает Достоевский в своем романе. В изображении писателя револьвер Ипполита дает осечку, таким образом фигура «главного героя» становится одновременно жалкой и смешной, на самом деле незначительной.

Ипполит познает на опыте, снова и снова чувствует противоречие между абсолютизацией понятия индивидуума и реальностью. Он вынужден принять к сведению, что множество людей существуют так же как и он, ожидая осуществления смертного приговора, но в то же время, они не отождествляют свою человечность со своей индивидуальностью, они не становятся на позицию «все дозволено», хотя с индивидуалистских позиций их жизнь кажется бессмысленной.

---

²⁴ Достоевский 1973, т. 8. 418.

Всегда подчеркивая роль принципа морали в человеческой жизни, его ориентирующую, организующую сущность, Ипполит вынужден признать его бессмысленность и бесполезность с точки зрения индивидуалистического сознания и ставит на место этого принципа как бы внушенную доводами здравого смысла новую мораль: всемогущества субъекта, его воли, что на самом деле означает признания принципа «все дозволено», полное отрицание ценностей, раскрывающихся в жизни, распространение и господство психологии сброда:

Тут, во-первых, странная мысль: кому, во имя какого права, во имя какого побуждения вздумалось бы оспаривать теперь у меня мое право на эти две-три недели моего срока? Какому суду тут дело? Кому именно нужно, чтоб я был не только приговорен, но и благонаравно выдержал срок приговора? Неужели в самом деле, кому-нибудь это надо? Для нравственности? Я еще понимаю, что если б я в цвете здоровья и сил посягнул на мою жизнь, которая «могла бы быть полезна моему ближнему», и т. д., то нравственность могла бы еще упрекнуть меня, по старой рутине, за то, что я распорядился моею жизнью без спросу, или там в чем сама знает. Но теперь, теперь, когда мне уже прочитан срок приговора? Какой нравственности нужно еще сверх вашей жизни, и последнее хрипение, с которым вы отдадите последний атом жизни, выслушивая утешения князя, который непременно дойдет в своих христианских доказательствах до счастливой мысли, что в сущности оно даже и лучше, что вы умираете.²⁵

Из-за узости своего духовного горизонта Ипполит неспособен понять, что в данном случае самоубийство не только грех с моральной точки зрения, но и в свете единства человечества в духе оно является препятствием в раскрытии жизни, а также отрицанием смысла воплощения.

Ипполит не может выкарабкаться из своих проблем, постоянно путается в собственных противоречиях и приходит к абсурдным выводам, при этом жалко разоблачаясь с точки зрения культуры, потому что принимает позицию бунтующего обывателя, который считает индивидуализм необходимым, отрицает дух и укорененность человека в культуре. Так как он понимает гармонию в индивидуалистском свете лишь как механизм, как осязаемое единение частей друг с другом, как осуществляемое в имманентном единство людей вне культуры, ему совершенно недоступно понимание значения частей этого «механизма». Очевидно речь идет о том, что человек, который в отвергаемой Ипполитом, но все же неизбежной и постоянно «преследующей» его традиции является венцом творения, ради которого существует вся природа, и благодаря которому весь мир имеет смысл, совершенно непонятным для индивидуалистического сознания и несовместимым с природой человека, с его богоподобным образом деградирует и превращается в инструмент. Считая такое состояние неприемлемым и оскорбляющим индивидуальное сознание, Ипполит еще больше замыкается в себе, и вследствие этого,

²⁵ Достоевский 1973, т. 8. 419–420.

вследствие отрицания им жизни и всякой ответственности, единственной его радостью парадоксальным образом становится любование своим позором:

*Найдите, что есть такой предел позора в сознании собственного ничтожества и слабости, дальше которого человек уже не может идти, и с которого начинает ощущать в самом позоре своем громадное наслаждение...*²⁶

Представления Ипполита о Боге, о религии также характеризуются абсолютизацией индивидуального сознания. Он может представить себе Бога только как часть имманентного мира, как грубую власть, понимание законов которой недоступно человеку. Ипполит не имеет представления о Боге как Личности, о его поддерживающей человека в бытии силе, всемогуществе. Так Творец, сотворивший человека по своему образу и подобию, в представлении Ипполита неизбежно превращается в произвольно играющего людьми тирана. В утверждении о том, что мир и невозможно было бы устроить без непрерывного взаимного поедания людьми друг друга звучит не принятие творения, а клевета на него, суть которой в отказе от порученной человеку с сотворения мира ответственности и соучастия в творении. Больной юноша делает свой бунт окончательным, под знаком равенства и нового «гуманизма» он загоняет человека, облеченного при творении ответственностью по отношению к миру, в мир вещей таким образом, что сбрасывает с себя как проявляющееся в духе порядка творения уважение к культуре, принятие сотворенного мира (и это не оптимизм Кандида), так и отвергаемое им в обывательском бунте демоническое восстановление мирового порядка, которое могло бы оставить ему возможность осознать свою ошибку (Раскольников). До конца сохраняя индивидуалистскую позицию, Ипполит доходит до отказа от проблемы гуманизма, до состояния равнодушия, до «все дозволено», до объявления непринятия поведения субъективной «свободы»:

Я согласен, что иначе, то есть без непрерывного поедания друг друга, устроить мир было никак невозможно; я даже согласен допустить, что ничего не понимаю в этом устройстве; но зато вот что я знаю наверно: Если уже раз мне дали сознать, что «я емь», то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками, и что иначе он не может стоять?»²⁷

Даже тогда, когда Ипполит заявляет, что *я никогда, несмотря даже на все желание мое, не мог представить себе, что будущей жизни и провидения нет*, он не свидетельствует о своей вере, а описывает природу индивидуалистического сознания. Ведь для знающего только самого себя индивидуалистического сознания, для выпавшего из культурной традиции, оставшегося наедине с самим собой обывателя неприемлемо представление об обесмысливающей все смерти и уничтожении индивидуума. Поэтому Ипполит

²⁶ Достоевский 1973, т. 8. 421.

²⁷ Достоевский 1973, т. 8. 421.

характерным для природы индивидуалистического сознания, но совершенно неприемлемым и необоснованным с точки зрения истины и гуманности образом, заявляя о бессмертии индивидуального, до бесконечности раздвигает его границы, не принимая во внимание, что все вечное может осуществиться лишь в духе, в принятии трансцендентной традиции, на которой основывается человечество. Считая традицию смешной для индивидуального сознания и придавая Богу антропоморфные черты, видя в творении первичность индивидуальной воли по отношению к природе, рассматривая его (творение) не как духовный акт поддержания бытия, редуцируя ответственность до простой предсказуемости, то есть отвергая все духовные отношения человека, Ипполит приходит к бессмысленному выводу о неизбежности самоубийства и видит в этом роковом акте «надежду» на признание сущности его индивидуальности, на индивидуалистское обоснование гуманности. Отрицающий дух индивидуум при этом неспособен понять, что самоубийство – это не просто моральный проступок, а грех по отношению к духу, так как из-за единства человечества в истине, самоубийство становится препятствием для раскрытия духа, используя христианскую терминологию – нанесением увечий живому телу Христову и отсрочкой парусии. Через осечку пистолета, которую столь гротескно изобразил писатель-гуманист, проявилась вся жалкая ушербность хода мыслей Ипполита.

ЛИТЕРАТУРА

Долинин 1989 – Долинин, А. С. *Достоевский и другие*. Ленинград.

Достоевский 1973 – Достоевский, Ф. М. *Полное собрание сочинений в тридцати томах. т. 8*. Ленинград.

Кирпотин 1976 – Кирпотин, В. *Достоевский и Белинский*. Москва.